

— Неожиданно, с самого начала декабря установились морозы, небольшие, но при безветрии, так что уже 4-го декабря встало озеро Тельмана, а 10-го мы с Серёжей ездили на Калининградский залив в Береговой. Кроме нас по заливу болтались ещё два-три нетерпеливых любителя, вели разведку, как и мы. Далеко мы не ходили, километра на два от берега максимум, и везде был сплошной лёд толщиной сантиметров в 6-9, который пробивался с одного-двух сильных ударов пешнёй. Пробовали мы ловить плотву, и Серёжа одну поймал, причём крупную. У меня было две поклёвки, но и только. Но мы всё равно были довольны, так как не надеялись особенно, что вообще выйдем на лёд. У лунок мы возлежали как римские патриции и болтали о том, о сём, предвкушая скорое начало настоящей зимней рыбалки.

— А через несколько дней погода испортилась, налетели сильные западные ветры, потеплело, но длилась эта непогода сравнительно недолго, не больше недели, а потом опять подморозило. Ходили слухи, что на Куршском заливе лёд хороший, якобы даже на мотоциклах ездят. К очередной субботе - 23 декабря я собрался поехать на мотоцикле в Каширское на плотву. Предложил и папе поехать со мной. Он с готовностью согласился. Со дня смерти мамы прошло ровно два месяца. А ровно месяц назад мне исполнилось тридцать пять лет. За эти два месяца отец подуспокоился немного, но места себе не находил. На зимней рыбалке он ещё ни разу в жизни не был и не очень-то представлял себе, что это такое, но ехать со мной был рад куда угодно, лишь бы отвлечься от невесёлых своих мыслей и тяжёлых воспоминаний.

— Подготовились к поездке мы капитально. Помимо снастей, еды, термоса с чаем, подкормки для рыбы, стульчиков, я засунул в свой большой рюкзак огромный морской бинокль в футляре - награда отцу к какому-то его юбилею от командующего флотом - обозревать залив и высматривать, у кого лучше ловится. Отца я одел в своё самое тёплое рыбацкое обмундирование: ватные штаны (а подниз тёплые фланелевые кальсоны), вязаный мамочкой толстый свитер поверх двух фланелевых рубах, полушубок, валенки, и поверх всего оранжевый рыбацкий костюм - проолифенку, точнее, штаны только, а куртку сунули в рюкзак. Ехать предстояло на мотоцикле по морозу, и проолифенные штаны на лямках - вроде комбинезона - надёжно защищали от поддувания. Галоши, чтобы не жали ноги, пришлось снять и сунуть в рюкзак, у лунок обычно сыро и валенки могут промокнуть. Да и ходить по гладкому льду без галош тяжело - скользят ноги. Шапку папину зимнюю, ушанку офицерскую из чёрного каракуля тоже в рюкзак запахали, голову папе покрыли шерстяным шарфом, а сверху нахлобучили мотоциклетный шлем, как положено. На руки - краги мотоциклетные.

— Упакованный таким образом как космонавт папа погрузился в коляску, куда ещё еле поместился рюкзак, да сбоку засунули пешню. Я был одет значительно легче. Тёплое фланелевое бельё, обычные брюки, свитер, пиджак, папино пальто, скорее демисезонное, чем зимнее, шерстяные носки, папины зимние ботинки с войлочным верхом, сверху проолифенка.

— Шлем нацепил прямо поверх шапки. На руках шерстяные перчатки.

— Выехали затемно. С утра мороз в городе был градусов 12 (по моему термометру за кухонным окном), а на заливе, конечно, ниже. Ехали не спеша, чтобы сильно не обдувало морозным воздухом. Я всё спрашивал у отца не холодно ли ему.

— Нет, нет, всё в порядке, отлично! - улыбался он мне. Похоже, что ему, действительно, было уютно в коляске, и он даже задрёмывал.

— Когда приехали на берег залива в Каширское, уже совсем рассвело. На берегу стояло несколько машин, но людей видно не было. Наверное, уже ушли на лёд. Лёд голый, снега практически нет. Мы слезли с мотоцикла и стали разминать свои затёкшие конечности. Тут подъехали ещё рыбаки на мотоциклах: трое на одном "ИЖе" с коляской и один на тяжёлом - "Днепре". Водитель "ИЖа" весело бросил нам:

___ - Чего стоите? Ехать надо.

___ - А как лёд? Выдержит?

___ - Да я вчера уже по всему заливу на мотоцикле мотался. Одна трещина есть, так её хорошо видно. А так лёд нормальный.

___ И он вырулил на лёд и бойко покатыл со своими пассажирами вдоль берега в сторону мыса. Вслед за ним съехал на лёд и водитель "Днепра" и поехал в ту же сторону, но помедленнее. Я на лёд выезжать не собирался, думал оставить мотоцикл на берегу, а самим идти пешком по льду. Но эти смельчаки поехали столь уверенно, что я застыдил себя своих сомнений в надёжности льда. К тому же лёд скользкий, без снега, идти будет тяжело, и отец наверняка измучается с непривычки.

___ - Ну что? Поедем или пешком пойдём? - спросил я папу.

___ - Как знаешь. Люди вон поехали.

___ - Ну тогда и мы поедем, - решил я. - Только давай садись сзади меня, от греха подальше, а то, если, не дай Бог, провалимся, - не выберешься из коляски, - принял я на всякий случай единственную меру безопасности.

___ Отец сел на седло мотоцикла сзади меня, мы съехали на лёд и покатали вслед за двумя мотоциклами, отправившимися раньше нас. Мы ехали метрах в ста от берега вдоль дамбы, ведущей к мысу. Лёд приятно шуршал под колёсами. Он был явно неоднородный, то светлый, то тёмный, изрезан застывшими трещинами и разводьями. Видимо, его ломало прошедшими западными ветрами, после чего он опять смёрзся. В некоторых местах, глядя сбоку на трещины в чёрном льду, можно было определить его толщину - где-то около двадцати сантиметров, что вполне достаточно для езды на мотоцикле.

___ Впереди нас теперь маячил только один мотоцикл - тяжёлый. Компания на "ИЖе" уже скрылась из виду. У самого мыса, где у берега из воды торчат большие камни, на льду стояло несколько мотоциклов, хозяева которых рыбачили примерно в километре от берега. Водитель же тяжёлого мотоцикла, за которым мы держались, направил свой "Днепр" вглубь залива мимо этих рыбаков. Мы двинулись за ним, держась метрах в пятидесяти сзади. Отъехав за рыбаков метров на триста, наш лидер остановил свой "Днепр", слез с него, потыкал вокруг пешнёй в лёд и стал располагаться для ловли. Мы решили держаться неподалёку от него, отъехали метров на сто и, двигаясь на первой передаче, медленно катили по льду, высматривая место, где лучше расположиться: где лёд пошершавее, не такой скользкий.

___ Мотоцикл почти уже остановился, и вдруг... безо всякого особого шума и треска (возможно, не слышимых из-за тархтенья двигателя) просел куда-то вниз.

___ - Провалились! - сообразил я.

___ Секунда, и мы в воде уже по пояс, но ещё на мотоцикле. А отец держится обеими руками за ручку сиденья и не желает её отпускать, в то время как зад мотоцикла продолжает плавно погружаться в воду. Оборачиваюсь к отцу и ору:

___ - Отпускай! - хватаю его за шиворот и тяну вверх, чтобы отцепился от мотоцикла.

Ещё две секунды, и мотоцикл полностью ушёл из-под нас, пустив на прощанье пару огромных пузырей. А я грудью уже уткнулся в край льда и выбрасываю на лёд руки, отец барахтается сзади.

___ - Спокойно, папа, спокойно! - кричу ему.

___ - А я спокойно, не волнуйся! - отвечает он мне, барахтаясь.

___ Впиваюсь пальцами в лёд и, наваливаясь грудью, пытаюсь заползти на него. До живота я уже на льду. Толщина его здесь сантиметра три-четыре, не больше. Край, на который я навалился, залила вода, он трещит, но меня держит. Оборачиваюсь к отцу, протягиваю ему руку, и... он тянет меня обратно в воду, не могу удержаться на льду, скольжу, не за что уцепиться...

___ Слава Богу, мужик с тяжёлого мотоцикла, за которым мы ехали, увидев, как мы ухнулись под лёд, бросился к нам с пешнёй, хотя мы и не звали его, не кричали. Метра за три до края полыньи он встал на колени и протянул мне по льду пешню, в которую я и

вцепился мёртвой хваткой. Пешня остановила моё сползание со льда, и отцу удалось, цепляясь за меня, грудью вывалиться на лёд рядом со мной. Лёд прогнулся ещё сильнее, мы лежали на нём в воде, боясь двигаться дальше, дабы не обломать край.

— Подожди, не лезь, - сказал я папе и пополз вперёд один. Вот уже я весь на льду, с ногами лежу. Оборачиваюсь к отцу и подаю ему руку: - Ползи! - Он выползает вслед за мной. Отползаем метра на три от края и встаём. Лёд держит. В полынье со дна всё ещё поднимаются пузыри: выходит воздух из ёмкостей мотоцикла.

— Но стоять нельзя. Надо двигаться, чтобы не замёрзнуть. Пока ещё мы холода особого не ощущаем, хотя одежда вся пропитана водой до подмышек, плечи, шея да голова только сухие. Подбегают ещё рыбаки, сидевшие в отдалении. Спрашиваю у них:

— Где здесь ближайшее жильё?

— У дяди Васи, на дамбе. Только он вроде помер уже.

— Далеко отсюда?

— Километра три по дамбе в сторону Каширского.

— Просить подвезти нас на мотоцикле мы не стали: хватит, накатались да и дуба можно дать, едучи мокрыми на мотоцикле по морозу. Вот место бы как-нибудь пометить, может, можно будет ещё и мотоцикл вытащить.

— Я тут мешок полиэтиленовый красный вморожу, - пообещал мне мужик с тяжёлого мотоцикла. Я кивнул ему и мы с отцом потопали в сторону берега, до которого было около километра или чуть более. Очертания деревьев на берегу были хорошо видны, хотя и в дымке, просвечиваемой солнцем. Было около одиннадцати часов утра. Мороз ещё не начал ослабевать. Одежда наша сверху покрылась ледяной коркой, но под ней тепло от тела ещё сохранялось, хотя и в сырости.

— Идти было очень трудно, особенно отцу. Он был как закованный в латы рыцарь на Чудском озере, неповоротливый и беспомощный. И так одежды на нём было много, не для ходьбы, а тут ещё воды в ней сколько. А как поскользнётся, так поленом и падает, плашмя, не согнувшись. Хорошо, что шлем мотоциклетный на голове, а то бы сотрясение мозга получил. И валенки без галош (они в рюкзаке остались), обледенели, никакого сцепления со льдом. Я заставляю отца идти быстро, боюсь, чтобы не замёрз, а он еле равновесие на льду удерживает. Несколько раз грохался и встать не может из-за своего ледяного панциря, я его поднимал. Да и сам пару раз загремел, аж лёд затрещал. Но всё же мне в ботинках идти было легче.

— Пока шли по льду, обратил внимание: на льду много промоин, затянутых свежим тонким льдом. В одну из них мы и въехали на мотоцикле. Причём, если бы ехали быстро, то наверняка бы проскочили, а тут въехали на затянутую полынью и остановились. Лёд и не выдержал. Как ещё я догадался отца на седло пересадить, из коляски бы он не выбрался...

— Но вот и берег. Продираемся к нему через камыши. На душе стало спокойнее: идти теперь значительно легче, ноги не скользят. Снега и на дамбе практически нет, промёрзшая земля. Идти легко и я набираю темп. Но отец отстаёт.

— Давай, папочка, давай, - подгоняю я его. - Иди как можно быстрее, иначе замёрзнешь.

— Да мне не холодно, жарко даже, у меня внутри вся одежда горячая, - отвечает отец. - И геморрой ещё не даёт идти быстро.

— А я не могу идти медленно, холод начинает донимать, ляжки сводит буквально. Папа-то в ватных штанах, а я в обычных брюках. Я начинаю бегать туда-сюда, пробегусь вперёд от отца метров на сто, потом возвращаюсь к нему и опять вперёд... Где же этот домик дяди Васи? Никаких следов жилья, а уже почти час по дамбе идём. Но результирующая скорость низкая, хоть я и ношусь как паровоз: папа еле передвигает ноги. Мокрые валенки у него сбились на стороны, он шоркает ими по мёрзлой земле, но держится бодро и успокаивает меня:

— Ничего, ничего, я иду, ты не беспокойся.

— Но вот прошли красную кирпичную водокачку, немецкую ещё, за ней среди сараев за жердяной оградой вытянутый одноэтажный дом, на вид совершенно безжизненный. В одной его половине, похоже, идёт или шёл и был заброшен ремонт, окна без стекол. Во второй окна застеклены, но стёкла все сплошь заиндевели, и дыма из трубы не ведать. Но я всё равно решительно заворачиваю во двор, может, сами растопим печь какую-нибудь.

— На двери дома замка никакого нет. Толкаю её, оказываюсь в захламлённых сенях. Следующая дверь тоже не заперта, прохожу в кухню, в которой холодно так же как и на улице. А из кухни дверь ведёт, судя по всему, в жилую комнату, и в этой двери появляется щуплый мужичок в ватнике, в шапке, пожилой уже, небритый. Похоже, что это дядя Вася и есть. Не помер, значит, ещё, слава Богу.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)